

Лев Кассиль

ХОД БЕЛОЙ КОРОЛЕВЫ

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
К28

Дизайн обложки: Курта Олег

Иллюстрация на обложке: Михаил Соловьёв

Кассиль, Лев Абрамович.

К28 *Ход белой королевы* / Лев Кассиль. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2025. — 320 с. — (Быстрее, выше, сильнее).

ISBN 978-5-17-177900-9

Лев Кассиль посвятил свою книгу спортсменам и их тренерам, всем, кто стремится к новым победам, преодолевая себя, совершая невозможное. «Ход белой королевы» — это повесть о силе духа, упорстве, любви и верности.

В далёкий сибирский город приезжает Степан Чудинов, бывший чемпион России по лыжам. Тренер экстра-класса, он хочет забыть о тренерской работе. Судьба распорядилась иначе, ведь именно в Зимогорске живёт Наталья Скуратова, талантливая лыжница-самоучка. Степан возвращается к любимому делу, чтобы Наталья из хозяйки снежной горы стала настоящей белой королевой, олимпийской чемпионкой по лыжному спорту.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-177900-9

© Кассиль Л. А., текст, 2025
© Соловьёв М. В., иллюстрации, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ПРОЛОГ

Я сознаю, что этот эпизод можно было бы разукрасить, но предпочитаю изложить его так, как он излагался... на заявках... где сентиментальность умеряется сильно развитым чувством юмора.

Ф. Брет Гарт¹

Нет такого журналиста, который бы не мечтал хоть раз в жизни написать роман или повесть... Поэтому не было ничего из ряда вон выходящего в том, что Евгений Карычев принёс мне однажды довольно объёмистую рукопись и смущённо попросил прочесть её, а если подойдёт — продвинуть в печать.

Но я никак не предполагал тогда, что эта рукопись со временем лишит меня покоя и даже заставит пуститься в довольно далёкое зарубежное путешествие, чтобы разрешить некоторые загадки, таившиеся в ней, и, может быть, дочитать её конец, так как, на мой взгляд, автор

¹ *Брет Гарт, Фрэнсис* (1836—1902) — американский писатель, автор вестернов. Эпиграф взят из его рассказа «Компаньон Теннесси».

обрывал своё повествование не там, где следовало бы. Мне и в голову не приходило, что эта аккуратно перепечатанная на машинке рукопись в скоросшивателе, лёгшая на мой стол среди других папок, доставит мне столько беспокойства, а затем и в фигуральном, и в прямом смысле перенесёт меня в особый, когда-то бывший мне очень близким мир, где гуляет азартный ветер, который жжёт морозом щёки на лыжне, хлопает цветными флагами у финиша и раздувает священное пламя олимпийского факела.

И надо признаться, что рукопись Карычева пролежала у меня довольно долго. Честно говоря, я сперва даже забыл о ней среди всяких дел, а деликатный автор стеснялся напомнить о себе.

Недавно, перебирая залежавшиеся бумаги, я вдруг обнаружил папку с рукописью, устыдился, что так долго продержал её у себя, ничего не сообщив автору, и решил просмотреть повесть.

Автора её, Евгения Карычева, писавшего обычно под псевдонимом «Е. Кар.», я знал давно. Мы с ним когда-то вместе работали в большой московской газете. Он уже тогда был отличным разъездным корреспондентом, неутомимым, вездесущим и «летучим» спецкором. Встречался я с ним и на фронте, откуда он слал в редакцию превосходные, всегда очень точные и как бы отдававшие специфическим запахом окопов корреспонденции, которые Карычев

действительно ухитрялся строчить на самых передовых линиях. Мне он всегда был симпатичен — скромный, сдержанно-остроумный и порой казавшийся несколько чудаковатым из-за неодолимой своей стеснительности.

Сам Карычев считал себя внешне крайне неуклюжим и малопривлекательным, а привык он тянуться к людям сильным, ловким, уверенным в себе. Поэтому его влекло к спортивным, к шумному, крепкому и грубоватому содружеству, возникающему среди людей, приверженных к спорту. А те, со своей стороны, считали Евгения Кара хорошим человеком, своим парнем, который, правда, не очень удачлив в жизни.

Зато все восхищались его живым, энергичным пером и профессиональным знанием любых видов спорта. Сам он не занимался всерьёз спортом главным образом из-за той же проклятой застенчивости. На коньках, на лыжах, в спортивном одеянии он казался себе невероятно смешным. А несколько болезненная мнительность, развившаяся с годами, подсказывала ему слуху обидные шутки или насмешливые замечания, которые, как казалось Карычеву, всегда неслись вдогонку ему. «Никто даже не знает, — жаловался он, — что вытерпела моя спина, за которой чего только не говорили про меня!..»

Ему казалось, что среди физкультурников, искренне его уважающих и всегда прислушивающихся к его авторитетному мнению, сра-

зу возникало насмешливо-несерьёзное к нему отношение, как только он пытался по-настоящему взяться за какое-нибудь из спортивных занятий. Тут, как он был уверен, разом обнаруживались его беспомощность и комическое неумение, особенно огорчительные тем, что проявлялись они рядом с пленительным мастерством сильных друзей.

Однако всё это не мешало ему оставаться заядлым болельщиком, бескорыстным обожателем чемпионов, трубадуром их славы, глашатаем её. Он был незаменимым спортивным радиокомментатором соревнований, главным образом зимних. Куда тут только девалась его застенчивость! Он становился красноречивым, громогласным, убедительным, пылким.

Мы с ним одинаково смотрели на спорт — как на одно из самых наглядных и великолепных проявлений человеческой воли, когда все телесные силы человека подчиняются всепоглощающему стремлению к самосовершенствованию и радостно утоляется здоровая, естественная жажда самоутверждения, удивительно сочетающаяся с самоотверженностью.

И оба мы видели такую же разницу между будничными занятиями физкультурой, с одной стороны, и спортом — с другой, какая есть, например, между общедоступной грамотой и поэзией.

Рукопись, которую принёс мне Карычев, как и следовало ожидать, также посвящалась его любимому спорту.

— Вот написал, понимаешь, повестушечку, — сказал смущённо Карычев, вручая мне свой труд. — Посмотри на досуге, если время будет. Тут у меня про наших лыжниц, точнее — про одну лыжницу. Возможно, что ты слышал об этой истории. Я давал информацию в газету. Ну, а потом решил изобразить... Сомневаюсь, конечно, чтобы получилось что-то путное... Но ты, в общем, полистай, погляди. Только уговор: выкладывай правду и руби разом. Чур, пилюли не золотить. Проглочу, будь покоен, люблю.

Как я уже говорил, прошло много времени, прежде чем я взялся за рукопись Карычева: всё как-то руки не доходили. Но когда я наконец прочёл её, она сразу меня серьёзно озадачила, да и заинтриговала порядком... Я перечитал повесть ещё раз с самого начала, и всё-таки кое-какие вещи в ней остались для меня неясными и, если хотите, даже чуточку таинственными.

Кроме того, в самом изложении встречались несообразности, которых не допускают добрые литературные правила. Например, повествование велось сперва от лица автора, и он был как бы непременно свидетелем, очевидцем всех описываемых событий, а в дальнейшем речь то и дело шла об эпизодах, присутствовать при которых сам автор не мог, хотя он и не считал нужным оговаривать это.

К тому же автор, по журналистской привычке, перенёс из корреспондентского блокнота в повесть множество лишних технических деталей и цифр.

Я решил внести некоторые уточнения и кое-что подсократить в повести, если только автор согласится с моими замечаниями.

Однако оказалось, что встретиться с Карычевым не так-то легко. Он по-прежнему был всё время в разъездах. То я читал его корреспонденции с целинных земель¹ Казахстана, то он оказывался с партией геодезистов на Ангаре, то вдруг голос его звучал по радио из Кирова, где проводились конькобежные состязания. Потом я узнавал, что он отбыл очередным самолётом на одну из дрейфующих полярных станций, а когда наконец я изловил его в Москве, он торопливо сообщил мне по телефону, что я захватил его «буквально на хвосте» и он должен спешить на аэродром, так как через час улетает в Италию на Белую Олимпиаду².

— Ну что, прочёл? — беспокойно спросил он. — Дряннь, наверно? Ну ладно, выкладывай быстрее. Надавай мне тумачков на дорогу. Знаешь, как мужик говорил, когда вывалился пьяный из саней, а лошадь ушла? «Хучь бы кто по шее дал, всё же легче пёхом идти было бы...»

— Я не собираюсь давать тебе тумачков, но разговор серьёзный, так, на ходу, нельзя.

— А что? Очень плохо?

— Нет, я читал с интересом, и, признаться, ты меня кое-чем зацепил... Только много лишнего...

¹ *Целинные земли* — ранее не подвергавшиеся сельскохозяйственной обработке.

² *Белая Олимпиада* — Зимние Олимпийские игры.

— А ты выкинь! Вымарывай к чертям всё лишнее, распорядись, как считаешь нужным. Ты меня извини, спешу. Мне пора...

— погоди! — закричал я в трубку. — У тебя есть тут кое-какие загадочные неясности.

— Неясности? — пробормотал Карычев. — Значит, написал неясно. Я же ничего не придумывал, а в жизни всё было очень ясно... Ну, слушай, спасибо, что прочёл и позвонил. А мне нужно двигать: машина пришла. Нет, погоди! А почему бы и тебе не скатать туда? — неожиданно предложил мне Карычев, словно речь шла о прогулке в Сокольники. — Ты ведь тоже когда-то отдавал должное спорту и пописывал, в общем, дельно. Тряхни стариной, а? В Италии, брат, такое сейчас будет, какого никогда в жизни, быть может, не увидишь. Зимние Олимпийские игры! Шутка ли! Со всего мира туда съедутся. И наши будут впервые участвовать в зимней олимпиаде. Интересно?

— Ещё бы!

— Ну вот. А ты засиделся. Ты не верь этому старику Эммерсону¹. Это он ерунду порол, будто путешествия нужны только дуракам, у которых дома зудит пустота в незаполненной голове. Чепуха это. Надо ездить! Как можно больше ездить! Иначе теряешь ощущение кривизны пространства, забываешь, что земля шарообразна, и жизнь становится плоской...

¹ *Эммерсон, Ральф* (1803–1882) — американский писатель, пастор, общественный деятель.

Правда, махни-ка на олимпиаду. Я, кстати, там надеюсь новую концовочку дописать к повести. Дело к тому идёт. Может быть, тогда и тебе всё ясно станет. Ну, будь здоров, поехали!

Конечно, не только этот телефонный разговор решил дело. Я и без поправок Карычева давно уже подумывал о том, что засиделся и слишком долго не выезжал на большие спортивные состязания, пропустить которые в прежнее время считал для себя невозможным. Рукопись Карычева с первых страниц напомнила мне о наших прежних общих увлечениях. А то, что Евгений мчался сам куда-то на север Италии, в Доломитовые Альпы, куда съезжались на Белую Олимпиаду самые прославленные спортсмены мира и устремлялись самые яростные болельщики всего света, уже окончательно вывело меня из равновесия. Мне нестерпимо захотелось самому побывать там и как бы дочитать повесть Карычева, в которой, повторяю, кое-какие моменты оставались для меня покрытыми тайной.

Через некоторое время я в качестве корреспондента одной из центральных газет и на правах туриста уезжал вместе с другими любителями спорта в Италию. На дне моего чемодана, упакованная в толстую папку, лежала рукопись Карычева. Я попробовал отредактировать её, убрал некоторые технические скучноватые детали. Во всём остальном я сохранил построение и манеру автора.

Вот о чём рассказывал в своей повести «Хрустальный Кубок» Евгений Карычев.

ХРУСТАЛЬНЫЙ КУБОК

Повесть Евгения Карычева

Глава I С ЭТИМ ПОКОНЧЕНО!

— Нет здесь никакого заслуженного мастера спорта! — Он бросил трубку на рычажок и повернулся ко мне: — Ну, теперь убедился, что не шучу? С этим, брат, кончено.

— Слушай, старик, может быть, ты хоть мне объяснишь толком?

Телефон зазвонил снова. Чудинов сорвал трубку с рычажка.

— Я ведь вам сказал ясно: нет здесь... Что? Да, Чудинов. Да, Степан Михайлович, он самый... Бывший! Бывший, я вам говорю, понятно? Что?.. Про это забудьте.

Трубка стукнула, закачавшись на рычажке. Чудинов встал с дивана и прошёлся по комнате. Я внимательно оглядел его с головы, где на коротко стриженных висках уже виднелись ранние сединки, до сильных ног, легко и прочно ступавших по ковру. На левую он едва заметно припадал. Я знал характер своего старого друга. Мне давно были известны его некоторые

причуды, я уже привык считаться с тем, что, когда на Чудинова накатывает, спорить с ним бесполезно. Но всё-таки сегодняшнее решение Степана слишком меня ошеломило. Я не в силах был согласиться.

— Ты что же это, Михалыч, всерьёз?

— Да. И надолго. Навсегда.

Он остановился перед стеклянным шкафчиком-горкой, на полках которой лежали укрепленные на широкой алой ленте десятки золотых медалей, жетонов, почётных значков и стояли всевозможные кубки, ларцы, вазы, шкатулки, чаши — многие регалии и трофеи, которыми был отмечен спортивный путь Степана Чудинова, славная белая стезя его, проложенная по снежным равнинам нашей страны и Западной Европы.

— Посуды много, — угрюмо и насмешливо сказал Чудинов, — а выпить сегодня не за что.

Он хмуро оглядел комнату. Возле большого рабочего стола стояли чертёжные доски с приклепанными к ним проектами. Свитки плотного ватмана загромождали угол за столом. На одной из стен висели застеклённые, изящно окантованные изображения зданий павильонов, эстрад, коттеджей, главным образом деревянных. Чудинов был отличным знатоком деревянной архитектуры. И недаром перед войной на Сельскохозяйственной выставке таким успехом пользовался построенный по его проекту павильон лесоводства и древонасаждений. Противоположную стену занимали стеллажи и пол-

ки с книгами. Полки были расположены причудливо, симметричными ступенями. На них стояли толстые фолианты истории архитектуры с выпуклыми золотыми корешками, блестяли ряды томов нескольких энциклопедий. И вся стена со ступенчато расположенными полками, на которых плотно стояли, корешок к корешку, книги, неожиданно напоминала орган с рядами толстых и тонких сверкающих труб.

На столе, на специальной полочке, были аккуратно разложены зажигалки. Это было одной из забавных страстей моего приятеля — коллекционировать зажигалки, всевозможные приборы для добычи огня. Какие только зажигалки не попадались в его коллекции! Тут были и трофеи — немецкие пугачи-пистолеты, нажав на собачку которых можно было получить безобидный синий огонёк над дулом, и зажигательные палочки полинезийцев, и чиркалки времён гражданской войны, сделанные из патрона, и знаменитые фронтовые кресала¹ с фитилём и кремнём для высекания искры, и миниатюрные факелы — сувениры одной из олимпиад — на цепочке из пяти разноцветных колец, и последнее приобретение Чудинова — чудо-ручка, которая служила одновременно и компасом (он был вделан в верхнее донышко футляра), и таила под ним бензиновую зажигалку. Были тут и старинные

¹ *Кресало* — стальная пластинка для высекания огня из кремня.

трут и огниво¹, и затейливо выточенные апокалипсические василиски-зверюшки² — нажми на хвост, и пламя исторгнется из пасти...

Но не на зажигалки, не на любимые книги и проекты свои смотрел сейчас Чудинов. Он уставился на стену, с которой глядел на нас с фотографии знаменитый лыжник, чемпион многих годов, непобедимый в прошлом Степан Чудинов — молодой, широкоплечий, узкобёдрый, размашистый и в то же время натуго собранный, в мгновенно схваченном движении, такой, каким я знавал Степана на протяжении долгих полутора десятка лет. И сколько раз доводилось мне писать о нём, сообщать по телефону в Москву, в редакцию о его победах на лыжне, передавать по зарубежному телеграфу его чертовски неудобную для начертания латинским шрифтом фамилию: Tschudinoff. Сколько раз, заслоня за индевевшей варежкой микрофон от ветра, объявлял я по радио его победителем гонки!

Спорт был для Чудинова постоянной потребностью, естественным выражением его жизненной энергии. Устав от работы за чертёжным столом, он выбирался за город, отмеривал на лыжах десятков-другой километров по холмам, перелескам Подмосковья и возвра-

¹ *Трут* — быстро воспламеняющийся материал; огниво — кусок камня, железа или стали для высекания огня из кремня.

² *Василиск* — сказочное чудовище с туловищем жабы, головой и ногами петуха, дыхание которого убивает всё живое.

щался к работе неузнаваемо помолодевшим, взбодрённым, с весёлой благосклонностью смотрящим на мир. «Погоняешь немного, так и голова свежее, ощущения точнее и веры в себя больше», — говаривал он.

Но, человек страстный, не умеющий останавливаться на полумерах, действовать вполсилы, он привык во всякое дело входить с головой и в любой своей деятельности добирался до высот совершенства. И если уж решал тренироваться к большим состязаниям, то всё его существо надолго проникалось как бы одним назначением: выжать из каждой мышцы все запасы таящихся в ней скоростей, вложить каждый сантиметр движения в разгон. И работал он над собой с безудержным рвением. Так же и в области инженерной: если он был убеждён в своей правоте, то рвался к поставленной цели напролом. И некоторые жаловались, что он порой грубоват, слишком резок. А эти качества, как известно, непростительны для тренера-воспитателя.

Характер у Степана был трудный, и я это хорошо знал. Неуступчивый, он предпочитал лучше сменить место работы, чем свои убеждения, хотя бы они касались и не очень значительных дел.

Он ездил строить новые города, жил там с плотниками в бараках-временках. Я встречал его в Комсомольске-на-Амуре, в Хибинах, где вырастали посёлки, застроенные отчасти по его типовым проектам.